

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

**23
(1035)**

ISSN 0132—2141

**Николай РЫНДИЧ
БДИТЕЛЬНЫЙ
ТУЗИК**

Автор книжки рос тихим, мечтательным ребенком, нетерпимым к антиобщественным поступкам и несправедливости. Особенно его возмущало грубое обращение Бармалея с доктором Айболитом.

Автор решил лично встретиться с разбойником и пресечь его хулиганскую деятельность.

Для этого после окончания десяти классов он поступил в Московский судомеханический техникум и, получив диплом судового механика, отправился к берегам Африки на борту рыболовного траулера. Но встреча не состоялась. Перепуганный Бармалей скрылся где-то в глухих джунглях, а автор, не теряя времени, занялся ловом серебристого хека в водах Атлантики.

Вернувшись на Родину, Н. Рындич временно оставил в покое затравленного Бармалея и целиком обрушил свой сатирический запал на голловотяпов, пьяниц, хапуг, разгильдяев и других антиобщественных элементов.

15 лет он проработал в отделе фельетонов газеты «Труд», окончив заочно факультет журналистики МГУ. За это время он предпринял еще одну попытку встретиться с Бармалеем, снова отправившись на рыбацком судне в качестве корреспондента «Труда» к берегам Африки. Но снова неудачно. Бармалей на встречу не явился, и автор вернулся из рейса с положительным очерком о рыбаках.

Пятый год он плодотворно трудится корреспондентом в редакции «Крокодила», а сейчас перед вами его первая книжка.

Николай РЫНДИЧ

БДИТЕЛЬНЫЙ ТУЗИК

Художник Ю. ЧЕРЕПАНОВ

Москва
Издательство ЦК КПСС «Правда»
1987

ДЕЛО-ТО ВЕДЬ КАКОЕ...

Начнем со случайного и нелепого. Пожилая колхозница Екатерина Назаровна Иванова, развешивая на чердаке белье, наступила на подгнившую жердь. Очнулась на полу. Подняться самостоятельно не смогла. На дворе морозный январский вечер. До ближайшей больницы десять километров.

В дальних селах в снежную зиму главное в таких случаях — лошадь. Накинув платок, поспешила за помощью в правление колхоза мать пострадавшей, Матрена Романовна Иванова.

Дали Буланого с саними. Сказали: «Человека ищи сама». Человека — в смысле мужчину, умеющего держать вожжи. На селе такие не редкость, потому не без надежды пошла Иванова-старшая по домам. Постучалась в одну дверь. Впустили быстро, но долго всплескивали руками.

— Как же это так, Романовна? А? Да-а... Вот она, жизнь человеческая... Лошадь-то хоть дали? А чего к нам пришла? Ах, везти некому?! Ну, уж извиняй! Дело не шутейное — не свеклу перевозить! Тут опытный человек нужен!

У другой двери сказали примерно то же самое, только еще дали советы:

— Надо было поосторожней! Нельзя в такие годы по чердакам лазить...

В третьем доме, выслушав рассказ Ивановой, скорбно потеряли поясницу:

— Помилосердствуй, Романовна! Дома-то ходить не вмоготу! Ридакуют треклятый поездом ест...

Чуткость — чувство деликатное. Глубоко в сердце хранят его иногда. Как порой хранят на дне сундука брачное свидетельство бабушки.

Ну, а человек все-таки обнаружился: в лице школьника Вити Белова. Только отобрал у него вожжи отец («А ну марш домой, паршивец!»). Сам взялся отвезти.

...Увязая по грудь в снегу, Буланый дотащил сани до больницы. Врач определила ушиб. Но через месяц выяснилось: не ушиб — компрессионный перелом позвонка у больной. Получила она направление в райбольницу. Только сказали ей: «Машину ищи сама».

Пришла тогда Матрена Романовна к председателю колхоза Вертилову. Попросила машину. Просто попросила. Хотя и могла намекнуть на переключку поколений. (38 лет без малого Ивановы в колхозе.)

Председатель выслушал, не отрываясь от бумаг.

— Все понимаю, Романовна, все! — вздохнул он, озабоченно роясь в накладных. — Но хочешь верь, хочешь нет — машину дать не могу... Попробуйте на попутных!

Здесь сталкиваемся с фактическим, но непостижимым. Человек, возглавляющий передовой в районе колхоз-миллионер, ежедневно решающий десятки хозяйственных вопросов, не смог обеспечить транспортом тяжелобольную женщину. Ему не стоило особого труда на крайний случай попросить машину в соседнем селе или просветить по телефону заблудших медиков, вынуждающих своего тяжелобольного пациента добираться до райцентра туристическим методом.

Три дня «голосовала» Матрена Романовна у обочины. Шоферы грузовиков останавливались, слушали, сдвигали на глаза промасленные ушанки.

— Дело-то ведь какое, мамаша, — скребли они свои водительские затылки. — До райцентра полста километров... Знаешь. Дорога какая, тоже знаешь... Вдруг станет плохо больной в пути... Что тогда? Ведь затаскают потом!

Ушанки сдвигались на затылок, с треском захлопывались дверцы. Матрена Романовна оставалась на дороге одна. Крепко не везло ей. Пришлось снова идти к председателю. Вертилов, уронив на стол локти, встретил вошедшую страдальческими глазами:

— Грустно, Романовна, очень грустно быть свидетелем твоего ко мне недоверия! Я ведь тебе уже объяснил: нет машины...

Через полтора месяца, когда пошел первый автобус, добралась Екатерина Назаровна до больницы.

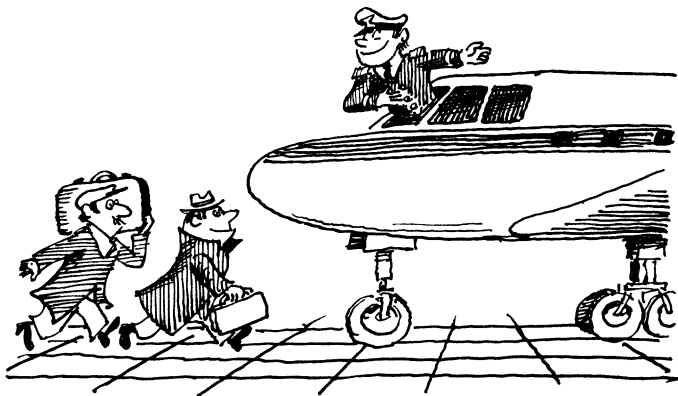
Сразу поднялось настроение: крепко взяли за нее врачи. Да и ждала, что из колхоза наведуются. Матери, конечно, не добратся, а уж из сельчан того гляди подъедет кто с лукошком яблок...

Возможно, что такие мысли в головах отдельных сельчан действительно возникали. Только недосуг им все было. Днем работа, а ввечеру каждый поспешал в свое подворье задать корм скоту, картошку перелопатить в погреб (да мало ли их, неизбывных хозяйских дел!). А коли и выпадал свободный час-другой, так и не грех посидеть в кругу семьи у телевизора. А что до проявления теплых чувств к колхозным ветеранам, так на то есть вечера-встречи...

В общем, не дождалась Екатерина Назаровна колхозных посланцев.

А вскоре состоялась выписка. Прописали корсет. Потребовалось тридцать рублей. Грешным делом подумала: «Может, колхоз выручит?» Не сбылось. Корсет купила, но полкоровы Зорьки стало собственностью соседки...

Теперь каждый раз, когда Екатерина Назаровна встречает Буланого, она ласково треплет его за холку. В тот памятный вечер он сделал для нее все, что мог.

НА «ЛЕВОМ» САМОЛЕТЕ

Если вам доводилось ездить на «левом» автомобиле, то при случае может возникнуть желание поймать и «левый» самолет.

Так и случилось с пассажиром из Осликовска Быстролетовым.

Он летел из Сугробска в Ледогонск. Билетов не было. Быстролетов окинул взглядом летное поле аэропорта. Как хорошо бы выйти на полосу и поднять руку! Разбегающийся самолет резко притормозит у обочины, и пилот, высунувшись из окна, озабоченно крикнет: «Тебе куда?»

А так сиди себе в надоевшем зале ожидания и слушай бесконечные объявления о задержках рейсов.

Но тут Быстролетову крупно повезло. Он еще не успел закончить свои грустные размышления, как к нему подошел проходивший по залу летчик.

— Есть возможность улететь в Ледогонск, — предложил он, — на грузовом самолете. Большого комфорта не обещаю, но на месте будете в срок. Если согласны, подберите еще человек пять и идите за ангарами. Ждите меня там.

Компания подобралась быстро. Лететь на «левом» самолете, кроме Быстролетова, изъявили желание еще шесть человек.

Поймали «левый» автомобиль и перевезли на нем к ангарам вещи, чтобы не привлекать к себе внимания гулянием по летному полю с чемоданами. Вскоре появился пилот.

— Давайте знакомиться, — козырнул он. — Ястреб Адольф Алексеевич, командир «Ту-134». Вот документы. Наш самолет — первый справа у полосы. Рассчитываться будем в Ледогонске. Сейчас — аванс. Вылет через полчаса.

Командир собрал деньги и ушел оформлять полетный лист.

Ждали его долго. Пожалуй, даже очень долго. Первым заволновался Быстролетов. Его беспокойство передалось другим. Все стали высказывать сомнение в добропорядочности некоторых работников гражданской авиации.

А Ястреб все не возвращался, и скоро стало ясно, что он не вернется никогда. Поэтому вместо Ледогонска все отправились в милицию. Там сидел... командир «Ту-134» Ястреб А. А.

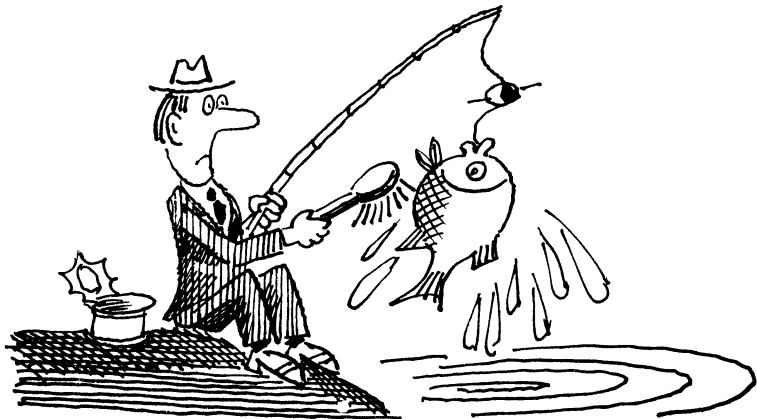
Дрожащими руками он писал заявление о краже у него документов и нагрудного знака за налет часов. Они были похищены в профилактории летного состава Сугробского аэропорта во время отдыха экипажа.

Пассажиры несостоявшегося «левого» рейса ошеломленно смотрели на другого, настоящего Ястреба, с помощью документов которого какой-то проходимец так ловко облапошил их.

Милиция быстро нашла «двойника». Им оказался некто Ухваткин. У него обнаружили летную форму с погонами, эмблемы Аэрофлота и комплект документов, которых могло хватить на целый экипаж. Все в разное время было похищено в профилактории. Преступник наведывался туда частенько.

У летчика А. он выкрал удостоверение, у командира корабля С. — свидетельство пилота и 35 рублей. Казалось, что администрация профилактория организовала для Ухваткина благоприятные условия: часть дверей в комнатах не запиралась, не имели замков шкафы. Ухваткин в профилактории расхаживал по коридорам и, подобрав форму по плечу, а документы по вкусу, выносил их из здания.

Принято считать, что ротозейство — явление сугубо земное. Но, как показывает жизнь, ротозеи порой могут воспарить очень высоко. Если они носят эмблему с крылышками.

НЕМЫТЫЙ ОКУНЬ

Забросила меня недавно судьба командированного в город Сероводородск.

И вот однажды вечером я, любитель рыбной ловли, размотал удочки и уселся на берегу небольшой речки Пятуньки.

Жду, значит, клева. Подходит ко мне один из местных жителей и спрашивает:

— Ну как? Клеует?

— Пока нет, — отвечаю, — рыба, должно быть, сытая.

Посмотрел он на меня как-то странно, усмехнулся и зашагал дальше.

А я сижу, жду. Тут подъезжают ко мне двое ребятешек на велосипедах.

— Дяденька, — спрашивают, — а чего вы здесь делаете?

— Неужели не догадываетесь? Рыбу ловлю!

Побросали велосипеды ребятешки, попадали на траву и катаются с боку на бок от смеха.

— Да вы что, дяденька! — еле выговорил, наконец, один из них. — Вы эту рыбу, если и поймаете, все равно есть не будете!

— Это почему же? — поинтересовался я.

— А вы прислушайтесь и оглядитесь, — весело пояснили ребятешки, вскочили на велосипеды и умчались.

Я прилежно сделал и то, и другое. Слышалось мычание и хрюканье. Сверху, с горы, текли в речку какие-то мутные ручьи. На горе высились фермы откормсовхоза.

— А что, рыбка в речке у вас действительно неаппетитная? — спросил я работников откормсовхоза.

— Да как вам сказать... Не деликатес, конечно. Хотя основную массу отходов мы отправляем на поля. В речку попадает самая малость. Так что ничего страшного.

Но и эту самую малость можно легко устранить, приведя в порядок имеющиеся системы. Однако среди руководителей совхоза нет, видимо, рыбаков... Зачем же усердствовать?

Ну, а я поспешил на речку Качушку, протекающую совсем в другой части города.

Размотав удочки, с надеждой присел на берегу. Не успел закинуть, как поплавок скрылся под водой. Подсекаю и вытаскиваю окуня. В сметане. Прямо хоть на сковородку его! Вот только сметана какая-то подозрительная. Грязноватая. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это, строго говоря, не сметана. А так, молочные ополоски. После мытья бидонов на Сероводородском маслозаводе.

Пришлось идти на завод. Выяснилось: городская санэпидстанция не раз предписывала построить простейший отстойник взамен пришедшего в негодность. Но... среди пиццевиков тоже нет рыбаков, к чему торопиться?

Отмыл я несчастного окуня, у которого нельзя было различить, где голова, а где хвост, и отпустил с миром.

Выбрал себе, наконец, заводь тихую, спокойную, хорошей глубины. Насадил на крючок червя пожирнее и сажу, жду.

Опять не клюет! Заменяю червя хлебом, потом геркулесом, колбасой диетической. Тщетно! Будто в домашнюю ванну закидываешь, а не в реку.

Тут подошел ко мне один из местных рыбаков.

— Попробуйте на соленый огурец, — говорит.

Что тут сделалось! Плотва набросилась на приманку всей стаей, отталкивая и кусая друг друга.

— Что у вас тут рыба, пьяная, что ли? — спрашиваю у рыбака.

— Точно, — отвечает он, — в стельку. Рядом проложены сточные трубы Сероводородского спирто-водочного завода. Мы вчера на пол-огурца полведра наловили!

Я смотал удочки...

ПОВЕЗЛО ИЛИ НЕТ?

Удачливый человек жительница города Боровихинска Г. Березина!

Развернула она однажды таблицу выигрышей денежно-вещевой лотереи и, к своей радости, стала обладательницей стиральной машины «Чайка-3». Всего за 30 копеек!

Только пришлось уплатить за хранение выигрыша на складе железнодорожной станции в течение 90 суток. Багажное отделение, видите ли, забыло проинформировать получателя о прибытии посылки. Скле-роз. Ну, и еще, конечно, пришлось заплатить за такси при перевозке машины домой.

Наконец доставили посылку. Распаковали. Обрадованные домочадцы быстренько включили вилку в розетку. Но машину даже не колыхнуло. Стирку пришлось пока отменить.

Вызвали механика городской мастерской «Рембыттехника».

— Вот если бы вы эту «Чайку-3» купили, — объяснил механик, — тогда это проще пареной репы. Сдать ее в магазин — и точка! А вы выигра-ли... Даже не знаю, что вам посоветовать.

Написала Березина на базу хозтоваров, откуда получила машину.

— Направляйте выигрыш на завод! — категорично отреагировала база.

— Откуда получили, туда и жалуйтесь! — возразил изготовитель — завод пластмасс.

Отправить, как оказалось, все же надо на завод.

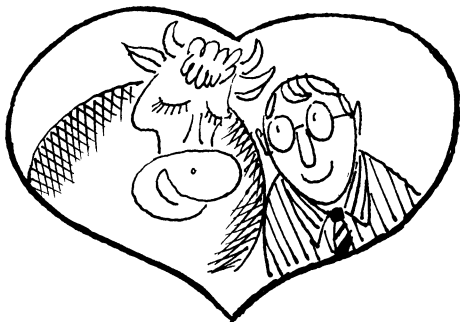
Уплатили за ящик, огромный и прочный, как контейнер. На такси отвезли на станцию.

Вскоре получили машину обратно, отремонтированную заводом. Заплатили таксисту за аккуратную доставку со станции домой.

После долгожданной стирки, ради спортивного интереса, посчитала Березина свои расходы, связанные с выигрышем.

Выяснилось, что за эти деньги можно было спокойно купить стиральную машину в магазине. Безо всяких лотерей!

Смотрит теперь гражданка Березина на свое приобретение, и в глазах ее стоит немой вопрос: повезло ей в этой лотерее или нет?

МНС и КРС

Они встретились у калитки. Она с интересом посмотрела на него глубоким, задумчивым взглядом. Станный он какой-то, не такой, как все. Бросил работу, творческие замыслы и примчался сюда, только чтобы увидеть ее. Приласкал, погладив по голове, и, сказав «хорошая ты моя!», спросил имя. Ее звали Эльза, а его Виктор. Она была КРС, а он — МНС. У них не было ничего общего, и они не понимали друг друга. Но даже если бы они нашли общий язык, он бы не смог объяснить, а она понять, почему его, МНС, то есть младшего научного сотрудника, инженера, посылают в рабочее время взять на учет ее, КРС, то есть крупный рогатый скот, попросту говоря, корову, находящуюся в частном владении.

Ведь там, на его рабочем месте, в светлом просторном зале проектного института сиротливо белеет нетронутый лист ватмана. Возможно, уже к вечеру на нем появились бы первые наброски проекта нового промышленного предприятия, позарез необходимого народному хозяйству.

Но прозвучал требовательный телефонный звонок из райисполкома, и вот уже МНС Виктор сломя голову мчится брать на учет КРС Эльзу.

В жизни еще много непонятного. Никто, например, не может точно объяснить, откуда взялись на острове Пасхи каменные идолы. Так же трудно понять, почему райисполком посылает квалифицированных проектировщиков на перепись скота.

Ведь куда проще дать поручение работникам жэков собрать необходимые сведения. Техники-смотрители за пару часов обойдут свои участки, и задание будет выполнено без особых издержек.

Тут, видимо, налицо забота об общественности. Что-то засиделась она на своих рабочих местах, бесцеремонно занимаясь своими прямыми обязанностями. И следует пронзительный звонок из райисполкома. Это ведь самое простое: снять трубку и властью, тебе данною, распорядиться насчет общественности.

Но вот переписаны Эльзы, Мушки и Чернушки. Пора бы заняться своей основной работой, и проектировщики возвращаются к своим проектам.

Развертываются листы ватмана, затачиваются карандаши. Но снова звучит звонок.

«Куда и на сколько? — мелькает в сознании проектировщиков тревожная мысль. — На очистку стройплощадок? На разгрузку автомашин? На рытье траншей?»

Никто не угадал. На этот раз — уборка городских пляжей. Работенка, где без инженерных знаний, ясно, делать нечего.

Раньше работники горкомхоза по старинке убирали пляжи, за каждой бумажкой наклонялись. А пришли люди с дипломами — и заработала творческая смекалка. Какой-то умелец додумался: выстругал себе палку с гвоздем на конце. Играючи работал! Ходил по пляжу и, не сгибаясь, накалывал на гвоздь бумажные стаканчики. Пять норм выдал, другим опыт передал.

Тут все стали с предложениями выступать. Один активист даже программу выдвинул. Вместо того, заявил, чтобы эти авгиевы конюшни коллективами разгребать, надо лучше побольше урн для мусора возле пляжей установить, а главное — ежедневно следить за порядком и чистотой и постороже спрашивать с нарушителей. Тогда и надобность отпадет в этих пляжных авралах.

Чудак человек! Все продумал, одного не учел: чем же тогда общественность заниматься будет?

Впрочем, занятие для общественности имеется. И достаточно серьезное: шефская помощь селу, большое и важное мероприятие. Без нее действительно не обойтись. Особенно в сентябре — октябре, страдную пору уборки винограда. Третью сотрудников института на этот период переезжает на работу в совхоз. По субботам и воскресеньям на плантациях трудится весь коллектив.

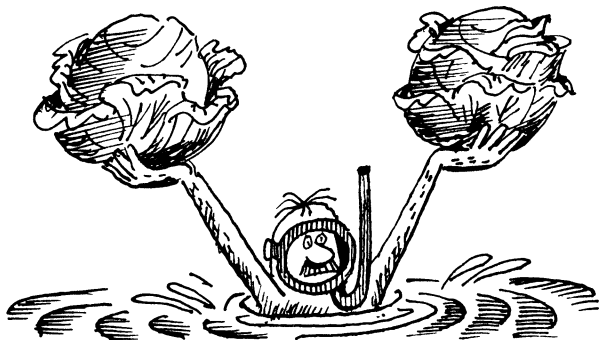
И вот, одетые в спецовки и кирзовые сапоги, ранним утром едут шефы-проектировщики на работу.

Стремительно мчится по просторам вестительный «Икарус». А на-

встречу ему из совхоза — два собрата. С весельем и музыкой. «Едем мы, друзья...» — несется из автобусных окон задорная песня. Это более полусотни виноградарей двумя группами после отчаянной просьбы к городским властям («Помогите! Не хватает рабочих рук! Пришлите шефов!») в октябре дружно отправились на экскурсию. Другая группа, в 30 человек, прихватила в начале сентября неделю у страдной поры для зарубежной туристской поездки.

За исход уборочной у виноградарей беспокойства нет. Шефы не подведут, шефы справятся. Опыт и сноровка у них имеются: не первый год работают. Да и понаехало их достаточно: на несколько сот больше, чем работников совхоза...

А шефы — МНС и их коллеги — провожают тружеников села грустными взглядами и напряженно размышляют: «Куда потом? Опять на перепись КРС? Или на мытье консервных банок? А может быть, на шефскую работу в другой совхоз, бригада которого отправилась в экскурсионную поездку куда-нибудь на Коморские острова?»

ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ ЛЮБВИ

Любовь с первого взгляда... Словно электрический разряд по телу, приглашение в кафе-мороженое, загс...

Но все может быть гораздо проще. Без всяких электрических разрядов. Когда возникает осмысленная человеческая симпатия к достойному, уважаемому человеку. И тоже с первого взгляда.

К такому, как, например, инвалид войны Ю. Радченко, отдавший свое здоровье защите Родины.

Непросто ему живется в почтенные годы. Мучает астма, и надо почаще бывать на свежем воздухе даже в крепкие морозы.

В этих целях взял ветеран да и застеклил свой балкон, выходящий во двор, и стал там зимой дышать свежим воздухом.

И тут постучались к нему в квартиру работники жэу.

— Убрать! И немедленно! — распорядились они, глядя на стеклянную стенку и жмурясь от играющих солнечных зайчиков. — Не положе-
но!

Вот так. Не получилось любви. С самого первого взгляда. Простой симпатии тоже. Более того, возникла антипатия. Это потому, что Радченко отказался выполнить требование работников жэу о ликвидации застекления как нарушающего архитектурный облик здания со стороны огородов. Кроме того, ветеран высказался насчет нежелания делегации вникнуть в его положение. Словом, покритиковал гостей.

А ведь как просто было завоевать благосклонное к себе отношение! Достаточно было врезать разок другой палкой по стеклянной балконной стенке — и вся недолга. Жилищное руководство было бы улаговтворено. А так пеняй на себя, товарищ ветеран, за непослушание!

Пока Радченко лежал в больнице, работники жэу разработали карательную акцию. Во-первых, чтобы отучить ветерана от занятия стекольными работами. А во-вторых, чтобы приучить его впредь не очень-то распространяться насчет бездушного отношения работников жэу к больным людям.

— Будете платить штраф за свою стеклянную веранду, — заявили работники жэу жене ветерана. — Вот вам акт, который мы составили.

Из пенсии инвалида при помощи райсобеса было удержано 10 рублей штрафа за остекление балкона.

И у жильцов дома по улице Раздельной в городе Кукурузинске тоже как-то не сложились отношения с работниками жэка № 2.

Это когда жильцы дома остались без запасов овощей на зиму.

Вообще-то поначалу запасы были. До тех пор, пока не было воды в подвале дома, где они хранились.

А когда появилась вода из прорванной трубы, запасы исчезли. Под водой.

— Полундра! — воскликнул кто-то из жильцов, знакомый с морской терминологией, и, скинув брюки, ринулся спасать овощи.

Спешно послал по телефону сигнал SOS в жэк № 2, остальные жильцы тоже бросились в воду, пытаясь спасти хотя бы часть своих припасов.

Работники жэка № 2 на сигнал никак не реагировали. Видимо, потому, что чужие лук с картошкой под водой — это для них не проблема первой важности.

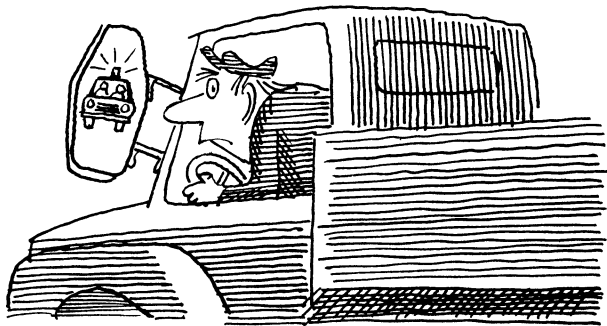
Тогда жильцы дома обратились в Кукурузинский горисполком с жалобой на медлительность и равнодушие администрации жэка № 2. То есть навели критику. И тем самым возбудили у администрации жэка № 2 по отношению к себе глубокое чувство не любви, разумеется, а неприязни. Ведь недаром говорится, что от любви до ненависти — один

шаг. Естественно, что спасательные работы после этого начались, но проводились в темпе замедленных киносъемок.

Когда моченые картошка с луком стали непригодны даже на корм скоту, осушительные работы закончились.

Жильцы дома теперь приобретают овощи в магазинах, но прежнего расположения к себе со стороны обидевшихся на них работников жэка № 2 жалобщики, видимо, не приобретут ни за какие деньги.

Что на это сказать? Только одно: увы, еще нередки случаи, когда критика — злейший враг любви.

С ВЕТЕРКОМ

Автомашина стремительно мчалась по шоссе. По-шамански тягуче и нудно выл мотор. Шофер Маркиясов возвращался домой. Сегодня закончилась его командировка в колхоз, где он работал на заготовке кормов.

Правда, на колхозной ниве Маркиясов трудился не каждый день, но все равно устал. Кому сена стог подбросишь за божескую плату, кому дрова подвезешь. Мало ли! Но теперь, когда командировка кончилась, пропади они пропадом, и колхозная и «левая» работенка. Напрасно председатель колхоза, робко теребя водителя за рукав, просил остаться еще немножко, объясняя, как мало заготовлено кормов, и как много на полях невывезенной свеклы, и что он, мол, договорится с автохозяином. Маркиясов, пыхнув на председателя бензиновым дымком, отпривился восвояси.

«Я хочу, шофер, чтоб тебе повезло...» — бубнил под нос Маркиясов, зорко поглядывая вдаль. Серая лента дороги была угнетающе пустынна.

Но вдруг впереди показалась точка. Она быстро увеличивалась и вскоре выросла до размеров кургана. На вершине сидело семь старух.

— Здорово, девушки! — затормозив, приветствовал их Маркиясов. — Далече путь держите?

— На Шныряево, сынок, на Шныряево, — оживились старухи, сползая вниз.

— Подходяще. А ну, грузись веселей!

В кузов полетели мешки, корзины, чемоданы, и курган растаял на глазах.

Погрузка закончилась.

— Та-ак! — осмотрелся Маркиясов. — Двадцать пять мест и семь пассажиров. Ну-с, девушки, правила изучили? Сколько за провоз негабаритных грузов взимается, знаете? Рассчитываемся сразу! С тебя, мамаша, десять рублей!

— А пошто так дорого, милоч? — запротестовала хозяйка двух корзин, извлекаемая из-под седьмой кофты кошелек. — Машина, чай, не твоя, казенная.

— Слушай, бабуся, — интимно склонился к ней Маркиясов, — ты еще не на базаре. Не нравится — слезай на обочину... Объясняю: надбавка за вредность. Опасная работа. Инспектора нынче лютуют. На этом прения предлагаю закончить...

Собрав семьдесят рублей, он тронулся. Не проехали километра, как в боковом зеркальце возникло облачко пыли. «Колхозный «газик», — вмиг определил Маркиясов. — И наверняка с участковым. Выследили...» Высунувшись из кабины, он крикнул в кузов:

— Эй, бабоньки! Кино «Безумный мир» видели? Так вот: сейчас будут гонки! Держитесь...

Кузов затрясся с удвоенной силой. Но «газик» нагонял. Он был уже близко.

— Стой! — металлическим голосом кричал, высунувшись из него слева, участковый уполномоченный.

— Вернись, ирод! Озолочу! — стонал, высунувшись справа, председатель колхоза.

— Не желаю! — огрызался Маркиясов и сильнее давил на акселератор...

Маркиясов гонку проиграл. Вернул пассажирам деньги и стал обладателем штрафной квитанции.

Такая уж система в автохозяйстве, где работает Маркиясов. Шоферы после рабочего дня отправляются в «левые» рейсы, на поиски дурных денег. И это когда в колхозах его родной области гибнут на полях овощи, картофель, сено... Только в колхозе «Родина» из-за нехватки авто-транспорта утрачено 1500 центнеров сахарной свеклы...

Над городом ступились сумерки. На шоссе у въезда в город в синей темноте мечутся огоньки. Это местные автоинспектора поджидают возвращающихся из «левых» рейсов калымщиков.

«Я ХОЧУ ДОМОЙ!»

Фильм был почти закончен. Оставалось отснять один эпизод: заблудившийся мальчик после недельного пребывания в лесу попадает в объятия матери.

— Нужен типаж, — сказал режиссер.

Поехали в пионерлагерь горисполкома города Каменюкинского. Кинематографистов встретила группа заросших, невымытых детей.

— Фактура подходящая, — оживился помреж.

— Дети! — сказал режиссер. — Кто из вас может перед кинокамерой громко прокричать: «Мама, я хочу домой!»?

Закричали все хором.

— Не все сразу, — поднял руки помреж. — Давайте по одному.

Выбрали маленького Андрюшу. После первого дубля режиссер поморщился.

— Совершенно не трогает, — заключил он.

— Андрюша! — сказал помреж. — Вспомни что-нибудь страшное, приключившееся с тобой в лагере, и повторим еще раз.

Андрюша вспомнил, как из-за отсутствия в лагере света в темноте искал свои тапочки под нескончаемыми рядами кроватей, которые в палатах для экономии места поставили вплотную. Во втором дубле фраза прозвучала превосходно. Режиссер поднял голову, глаза его увлажнились.

— Ты молодец, Андрюша, — сказал режиссер. — Вспомни еще что-нибудь грустное и давай еще разок.

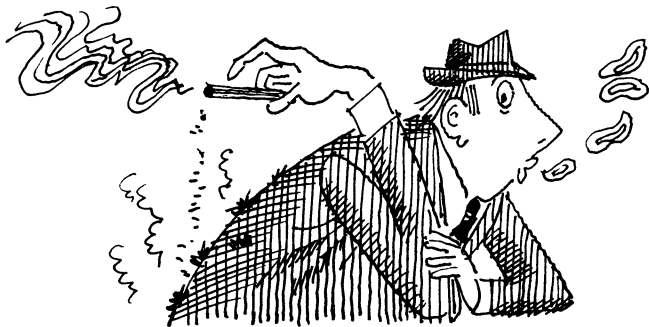
И тут Андрюша преобразился. Он вспомнил, что в их палате уже неделю не подметали пол, что в лагере нет воды, постельное белье грязное и воспитатели не обращают на детей никакого внимания.

— Мама, я хочу домой! — побледнев от волнения, закричал он не своим голосом, и пронзительное эхо, казалось, раскололо небо.

Эффект получился потрясающий. Оператор, едва закончив дубль, остолбенело застыл у аппарата. Помреж убежал в лес. У «юпитера» рыдали костюмерши и гример. Растроганный режиссер схватил Андрюшу в объятия.

— Талант! Гений! Что ты хочешь в награду?

— Я хочу домой, — тихо повторил Андрюша.

СТРАННАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Однажды в цирке гражданка Андропова отдала иллюзионисту свою сумочку. Иллюзионист положил сумочку в ящик, и после этого она исчезла. Вместе со всем содержимым. Но гражданка Андропова улыбалась. Она понимала, что иллюзионист — официальный сотрудник государственного учреждения и никаких оснований для беспокойства быть не может. Так оно и оказалось. Сумочку нашли на галерке, в последнем ряду, в портфеле у какого-то мужчины, и под аплодисменты она была возвращена Андроповой. Это был фокус.

Спустя немного времени Андропова отдала свои меховые сапоги-торбаса в Неустроевский райбыткомбинат для ремонта. Приемщик положил их в ящик, и они тоже исчезли. Но и это не смутило Андропову. Она понимала, что сдала торбаса под квитанцию официальному лицу государственного предприятия. Или пропажу обнаружат, или незамедлительно будет компенсирована владельцу ее стоимость. Так Андропова рассуждала целый месяц. Потом поняла, что оптимизм ее не оправдан. Торбаса не нашли ни через два, ни через шесть месяцев. Ущерб возмещать тоже никто не торопился...

Такая вот возникает параллель. Загадочно исчезают вещи и на цирковой арене, и в сфере бытового обслуживания. Вот только работники сервиса в отличие от иллюзионистов порой не возвращают вещи их владельцам.

А вот случай, происшедший с гражданкой Лихачевой, выглядит куда более жизнерадостным. Лихачевой чуть ли не силой пытались вернуть сданный ею в ателье материал в виде пошитого костюма. На карнавале этот костюм был бы вполне уместен и даже, возможно, занял бы призовое место, но для повседневной носки явно не годился.

От костюма Лихачева отказалась как от непоправимого брака, потребовала возместить ущерб. И надо сказать, что обошлись с ней работники ателье очень культурно. Деньги заказчице были возвращены. Но не 100 рублей, как указано в квитанции, а только... 20. То есть сколько удалось выручить от продажи злостастного костюма в комиссионном магазине.

В отношениях гражданина Тюляпкина с Зеваловской фабрикой химчистки до пропаж и компенсаций дело так и не дошло. Очень отрадный случай! Получил Тюляпкин пальто из химчистки в аккуратной упаковке и в срок. Развернул сверток и подивился оригинальной расцветке ткани. Правда, пальто как было коричневым, так и осталось, но теперь ткань украсил белый горошек вперемишку с небольшими дырочками. Пошел заказчик на фабрику за разъяснениями. С ним тоже очень культурно обошлись. Не нагрубили, не указали на дверь.

— Вы курите? — спросили заказчика работники химчистки. — Так мы и знали. Следы пепла химчистка раздвигает до дыр. Сами виноваты!

— Но не мог же я стряхивать пепел себе на спину! — возразил заказчик. — Вы испортили мне вещь. Дайте жалобную книгу!

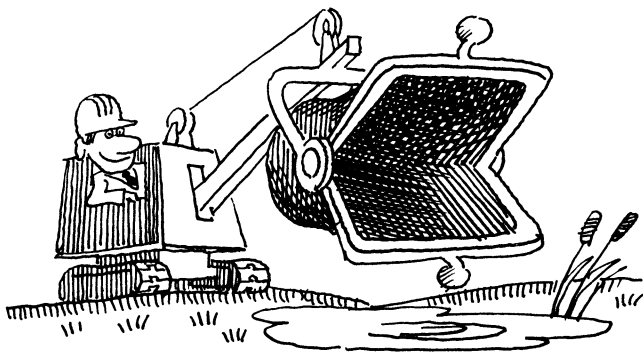
Работники фабрики на секунду задумались.

— Ладно уж, давайте сюда ваше пальто, выречим вас, — заявил один из специалистов химчистки. Он послунывал коричневый карандаш и сноровисто замазал белый горошек.

— Дома возьмете иголку с ниткой и заштопаете дырки, — объяснил другой работник фабрики, видимо, специалист по механическим повреждениям.

Тюляпкин отверг это предложение. Но, видимо, немного погорячился. Его положение было куда более предпочтительным, чем, скажем, у Андроновой и Лихачевой. Пальто-то он все-таки получил, и носить его в общем можно. Надо только немножко подремонтировать. Издалека да в сумерках никто и не заметит, что вещь штопаная. А то ведь администрация фабрики могла и затерять пальто без возмещения ущерба. На некоторых предприятиях бытового обслуживания наловчились избавляться от настойчивых претензий околпаченного клиента посредством нескончаемой волокиты. Тянут с «поисками» до тех пор, пока клиент капитулирует. Ему в голову приходит трезвая мысль, что запоротый костюм или зачищенное до дыр пальто — это в конце концов не трагедия, а вот остатки нервной системы следует поберечь. Заказчик хлопает две-

рю и навсегда покидает ателье или фабрику. Но спокойно глядят ему вслед работники сферы быта. Уж если не пришлось платить клиенту за утраченную вещь, то его моральные и нервные издержки вовсе не подлежат компенсации. Нет такого преискуранта.

ПОЛМИЛЛИОНА ИЗ ПАЛЬЦА

На земельных угодьях колхоза «Светлый луч» квакали лягушки. На заре хорошо брал карась. Колхозная гусеничная техника, проваливаясь в грязь до рукояток управления, истошно ревела моторами. Трактористы, теряя на бегу резиновые сапоги, спешили обсушиться в ближайшей избе.

— Такое дальше продолжаться не может! — стонали труженики полей. — Нужны мелиоративные работы. Есть же ведь у нас ПМК во главе с товарищем Паповым! Пускай займется осушением полей!

И однажды на рассвете раздался отдаленный гул. Тревожно залаяли собаки, заволновался на фермах скот. Это двинулась на поля колхоза землеройная техника ПМК.

...Усохла отчасти почва. Тракторы теперь форсировали в прошлом гиблые места, но коровам еще было по колено. Это потому, что ПМК, не выполнив работ более чем на 70 000 рублей, эвакуировалась куда-то за горизонт. Замыкал организованный отход колонны сам товарищ Папов на «газике», переоборудованном под амфибию.

Положив на колено планшет, начальник ПМК срочно подписывал фиктивный акт о выполнении мелиоративных работ в колхозе на эти несчастные 70 000 рублей, которые не давали ПМК возможности войти в шеренгу передовиков.

А направлялся Папов в другой совхоз, где его ожидал новый фронт

работ: участок осушения размером в 500 га. То есть еще более захватывающая и интересная работа, которая сулила призовые места, знамена, премии и прочие приятные вещи.

Визит землеройной техники ПМК для осушения полей этого совхоза напоминал кавалерийский рейд. Стальные кони поутюжили совхозные угоды своими гусеницами и, распутив мышей-полевых, скрылись опять в неизвестном направлении. Замыкавшему колонну бульдозеру пришлось взять на буксир утопший по радиатор «газик» начальника ПМК. Потому что и на этот раз мелиораторы дезертировали с объекта: оставили после себя невыполненных работ более чем на 220 000 рублей.

А чтобы не пропали призовые места, премии и прочие приятности, Папов спешно составил новый липовый акт о якобы выполненных работах на те самые 220 000 рублей.

От такой, согласитесь сами, немалой цифры кружилась голова и слегка холодило сердце. А тут еще перед конторой ПМК лихо развернулась автомашина с областным номером, и из нее вышел сам товарищ Хахалин, начальник вышестоящего объединения, с ревизорами.

— Ну, как вы тут? — отчески спросило руководство у Папова.

— Работаем, — смущенно объяснил Папов, ковыряя носком сапога землю. — Стараемся в поте лица.

Ревизоры, забрав всю документацию, забаррикадировались в бухгалтерии и никого туда не впускали до окончания ревизии.

Папов, попрощавшись с семьей, ожидал результатов проверки.

Но все обошлось благополучно. Высокое начальство с ревизорами, не обнаружив никаких нарушений, удовлетворенное, отбыло домой.

«Зарываешься, однако, — мысленно одернул себя Папов. — Меру знать надо».

На 220 000 рублей приписок больше не было. В следующий раз при строительстве дороги Папов приписал работ всего на 10 000 рублей. И далее не баловал, а наскреб сначала 21 000 рублей, а потом еще 14 000 рублей. В общем, по мелочам.

Но тут опять нагрянули ревизоры из объединения, приехал сам Хахалин. Снова состоялась пристрастная проверка. Папов провел несколько дней в отвратительном настроении. И только премия для ПМК в размере около семи тысяч рублей немного его развлекла.

А вскоре настроение поднялось еще больше. В район ожидался приезд руководителей министерства.

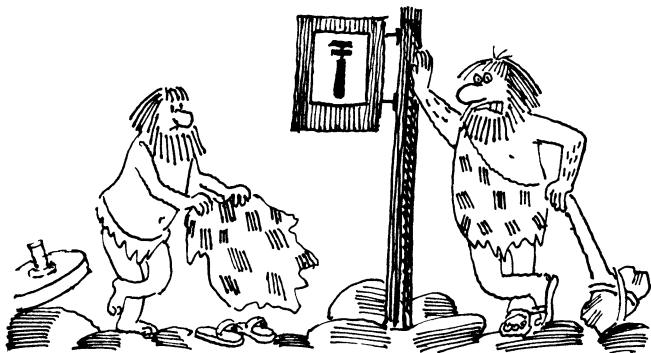
Чем обрадовать высокое начальство? Ну, конечно, повышенными производственными показателями. Или завышенными, все равно. Но где их взять? Можно, к примеру, составить акт, что построена дорога, которой на самом деле нет. Это плюс 105 000 рублей к плану. Согласитесь, такие деньги на дороге не валяются.

Так Папов организовал себе очередную «трудовую победу». Общая сумма приписок составила около 500 000 рублей. В прошлые годы это была половина всего годового объема работ ПМК.

Когда махинации вскрылись, ни Папов, ни его начальник Хахалин, естественно, не могли больше оставаться на своих постах. Один должен был ответить за очковтирательство, другой — за вопиющую халатность.

Расстались они легко. Папов получил 4 года лишения свободы, а Хахалин — пост начальника областного управления.

Теперь он имеет возможность контролировать и другие подчиненные ему организации. Вот он им уже покажет, если кто из мелиораторов станет баловаться приписками!

ДРЕВНИЙ ПЮРОК

Все началось в очень древние времена, когда один из первобытных людей, сбросив шкуру и поплевав на ладони, срубил каменным топором первое дерево. Сначала он пытался тащить его волоком, но скоро сообразил, что катить легче. Далее усовершенствования посыпались градом. Ствол был разделен на диски, в них пробили отверстия, насадили на оси, на них установили деревянный короб — получилась телега. Первобытный человек впряг в нее буйвола и вместе с семьей отправился в увлекательное путешествие по родному краю.

С той поры гужевой транспорт стал быстро входить в быт. Люди наладили серийное производство телег, и вскоре на дорогах возникли пробки. Назрел вопрос сервиса. Первый пункт технического обслуживания телег открыли в придорожной пещере. Владелец буйвола, притормозив у пещеры, робко заходил в нее и останавливался у входа.

— Чего нужно? — интересовался хозяин с прической битла и каменным молотком в руке.

— Ось полетела, и колесо смазать надо, — отвечал клиент.

— Осей нет, деготь только 76-й, — говорил хозяин ледяным голосом, глядя куда-то в сторону.

— Мне очень надо,— лепетал клиент.

— Всем очень надо. Ладно, пойду поговорю с ребятами,— решил работник сервиса и скрывался в пещерном мраке.

Возвращался он с вопросом:

— Счет оформлять будем?

— Надо бы,— заикался клиент.

— Тогда располагайтесь на стоянку. Месяцев на пять-шесть. Оформление счетов у нас — узкое место. Очень трудоемкая операция: высекаем на камне в двух экземплярах. Людей не хватает.

— Не надо счета,— мямлил клиент.

— Это другой разговор, но все же недельку придется подождать.

Путешественник разбивал возле пещеры бивак и отправлялся охотиться на мамонта, чтобы запастись провизией.

Наконец телега была готова.

— С вас семь шкур,— объявлял работник сервиса. В нем говорили гены его предков, неандертальцев, родоначальников всех человеческих пороков, в том числе и рвачества.

— Так дорого! — ахал заказчик.

— Платить будете? — следовал вопрос по существу.

Гардероб всей семьи оставался в мастерской, а владелец транспорта продолжал путешествие. Телега передвигалась с черепашей скоростью, буйвол выбивался из сил. Наконец путешественник решил выяснить, в чем дело. После беглого осмотра волосы у него поднимались дыбом. Оказалось, что ему поставили старую, треснувшую ось, при замене своротили набор втулку и до неузнаваемости ободрали низ телеги. Колеса остались несмазанными. Возвращаться не было возможности: буйвол еле дышал...

Давно канули в прошлое те далекие времена. Многое изменилось с тех пор. Гигантски шагнула цивилизация. Телега перестала быть массовым транспортом — ее заменил автомобиль. Но по-прежнему «летят» оси и требуют смазки колеса. Пункты технического обслуживания переведены из пещер в цехи, сияющие стеклом и пластиком. Навстречу автолюбителям выходят работники автосервиса с молотком или гаечным ключом в руках. Некоторые — с шевелюрой пещерного человека, иные без. Не в этом дело. Главное в том, что в отдельных автомеханиках и слесарях еще крепко сидят гены далеких предков, питающие в человеке пережитки прошлого. Так, например, в некоторых рабочих Самоваловской станции техобслуживания автомобилей нет-нет да и разыграет порой неандертальская кровь. Однажды пригнал к ним на покраску свой «Москвич» пенсионер К.

— Не можем красить,— заявил ледяным голосом бригадир, глядя куда-то в сторону,— камеры для покраски нет.

— Мне очень надо,— пролепетал К.

— Всем очень надо,— вмешался в разговор мастер Удальцов,— попробуйте договориться с бригадиром.

После долгих уговоров бригадир согласился.

— Будем оформлять заказ?

— Да надо бы, — замылся заказчик.

— С вас 142 рубля, — сказал мастер, пощелкав на счетах.

Пенсионер выложил деньги.

Потянулись месяцы томительного ожидания. Заказчику было впору разбивать бивак возле станции, но он предпочел жить дома. Зато почти в течение четырех месяцев каждый день совершал продолжительные прогулки на станцию и обратно. Но дело не двигалось. То была неподходящая погода, то внезапно исчезала краска.

Наконец машина была готова. Глянул пенсионер на свое детище, и волосы у него встали дыбом. Колеса сплошь заляпаны краской. Под бамперами краска так и не коснулась корпуса. Крепления боковых стекол изуродованы, декоративные накладки болтаются.

— Оплатите еще один счет, за 58 рублей, и — счастливый путь, — сказал мастер.

— За что? — изумился заказчик.

— Объем работ оказался больше. Так будете платить?

Что оставалось делать пенсионеру? Он выложил требуемое.

— Это еще не все, — вмешался бригадир. — С вас 10 рублей за мой собственный растворитель.

Заказчик выложил еще червонец...

А вот сотрудники Хабаловской станции автотехобслуживания действовали проще. Они не выписывали счета дважды. Автолюбителю Брюкину в один счет за обслуживание его автомобиля они включили дважды одни и те же работы. Поэтому, для того чтобы рассчитаться с автомеханиками, заказчику следовало продать свой автомобиль, а вырученными деньгами оплатить его ремонт. Возможно, что у него еще осталось бы рублей пять на обратную дорогу в родное село...

ВИЗИТ НА ЗАРЕ

Раннее утро. Солнце еще сонно ворочается где-то за горизонтом. На одной из улиц возле полуразвалившегося деревянного барака смутно маячат две темные фигуры.

— Пока никого, — зорко вглядываясь в сумерки, удовлетворенно шепчет плотный седоголовый мужчина своему спутнику, помоложе. — Успели, кажется...

Внезапно пронзительный визг раскалывает тишину. Молодой мужчина бледнеет и делает шаг назад.

— Эх ты, — укоризненно шепчет седоголовый, — а еще в агенты пошел! Входная дверь тут не закрывается, ветром ее мотает. Идем...

Фигуры исчезают в бараке, пробираются по его темному коридору, высвечивая фонариком провалы в половицах. Тихо вокруг. Только пошвыстывает ветер в перекошенных оконных рамах.

— Тело, опять чье-то тело! — вдруг вскрикивает молодой агент, стуча зубами. — Каждый день тела!..

Седоголовый быстро освещает фонариком лежащего на полу человека.

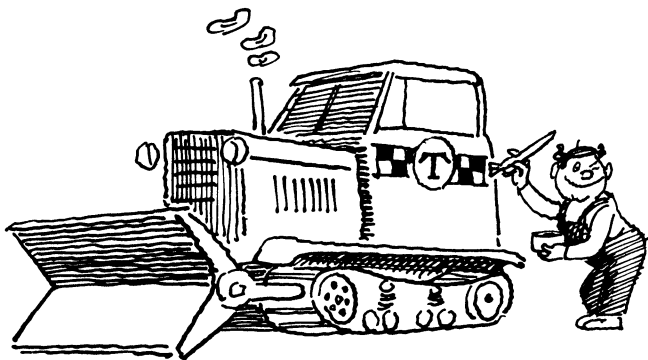
— Кто такой? — сурово спрашивает он.

— Выпил я вчера, — сонно сообщает «тело», — домой идти боязно. А у вас открыто...

— Сматывайся отсюда немедленно, — говорит седоголовый агент. — Тут тебе не ночлежка, а инспекция государственного страхования по городу Магдалиновску.

Агенты выставляют за порог непрошеного гостя и располагаются в бухгалтерии. Сегодня день отчета в инспекции, и, поскольку вскоре подойдут еще 58 страхователей, не мешает прийти пораньше, чтобы занять один-единственный свободный стол.

Но пока еще есть время, и, если не обращать внимания на вывалившиеся полстены напротив, можно немного развлечься, помечтать о временах, когда после многих лет обещаний Магдалиновский горисполком предоставит наконец инспекции новое помещение.

БУЛЬДОЗЕР НАПРОКАТ

Да, был такой факт. В городе Шпоново старший прораб управления Ханьгин и начальник снабжения Цаплин приехали на склад управления. На грузовике.

— Сдай еще назад, — скомандовал Цаплин шоферу пятившегося автомобиля. — А теперь возьми влево...

После команды «хорош!» 200 метров отличных труб быстро очутились в кузове автомобиля.

— Маловато, может не хватить, — засомневался Ханыгин. — Возьмем еще полсотни.

Ханыгин — прораб. Ханыгину можно верить. Взяли еще полсотни метров. Чего там крохоборничать! Ежели уж берешь без оформления и накладных, так бери больше, с запасом. Чтобы бригада не простаивала. Потому что время — деньги. Те самые, которые должен заплатить бригаде сельсовет села Бобкино за строительство водопровода, на предмет чего заключен договор.

Да, бригада шабашная. Организована Ханыгиным из работников того же управления.

В нерабочее время бригада во главе со старшим прорабом выполняет для предприятий и учреждений стройработы. И все бы ничего, но замутила нехватка материалов. Вот и приладились красть на складе родного управления.

Как вот сейчас, к примеру, стащили 250 метров труб.

Думаете, они подвели своих материально ответственных товарищей, отвечающих за недостачу? Может быть, вы уже слышите рыдания жен работников склада, повисших на груди своих мужей, собирающихся на свидание со следователем? Не было ничего подобного. Недостачи тоже. Потому что учет запущен, документы в беспорядке, и работники склада не имеют полного представления, что и в каком количестве хранится на складе.

Закончив сельский водопровод и получив гонорар, руководители самодельной бригады зорко огляделись вокруг. Неподалеку маячила администрация Шпоновского молочного завода. Призывно махая руками, она приглашала бригаду для строительства теплотрассы.

Заклучили договор, и работа закипела. Возникла потребность в экскаваторе. А где его найти шабашникам? В магазине не купишь, в прокатном пункте не возьмешь. Тогда Ханыгин и Цаплин решили позаимствовать технику в своем управлении. Тоже, естественно, без всякого оформления и оплаты. Как у соседа мясорубку.

Ну, и сняли экскаватор с одного из стройобъектов и погнали на рытье траншеи для «левой» теплотрассы.

Гремела и лязгала машина, перебираясь на новое место работы. Махали красными флажками сопровождающие, оповещая водителей и пешеходов о ее передвижении. А руководители управления так ничего и не узнали о внеплановой передислокации своей мощной техники для нужд шабашников.

— Послушай, Цаплин, — однажды в разгар работ сказал Ханыгин, откинув взмокшую прядь волос. — Мы тут упадем и не встанем, показывая образцы производительного труда, но без бульдозера нам не обойтись...

Ханыгин — прораб. Ханыгину можно верить. Прошло немного времени, и на подмогу шабашникам, гремя гусеницами и сверкая блеском стали, прикатил бульдозер с гордой эмблемой управления на борту. Тот же снятый с одного из объектов. А вслед за ним — еще несколько автомашин и автокранов.

Дела у шабашников сразу пошли в гору. Они ходили веселые, возбужденные и все грозились выдвинуть заказчику встречный план. Заработки шабашников росли. Если за водопровод они получили 1800 рублей, то за теплотрассу гонорар составил уже 13 280 рублей. Вся техника, малость поизношенная лихими «арендаторами», вернулась на свои основные объекты. Сами «арендаторы» за незаконное использование строймеханизмов и финансовые злоупотребления по приговору суда понесли заслуженное наказание. Ротоzeи же из управления остались в стороне.

А может быть, сельсовету села Бобкино и руководителям Шпоновского молочного завода следовало бы поступить иначе? Может быть, правильной было обратиться им не к шабашникам, а к руководству управления? Так, мол, и так, дорогие товарищи. Вы мощная организация. У вас есть техника, материалы и люди, желающие потрудиться в нерабочее время. А у нас есть деньги, выделенные для строительства водопровода и теплотрассы. Давайте оформим заказы на уровне госучреждений, и внакладе никто не останется. Государство в том числе. И никто не будет воровать трубы и угонять экскаваторы и бульдозеры...

Этого не произошло. Потому что редкий хозяйственник пойдет на заключение даже небольшой деловой сделки, предварительно не заручившись согласием многочисленных вышестоящих инстанций. А как оформить договор? Как «провести» деньги? Десятки разных «как», на которые нередко нет ответа и которые непроходимым бюрократическим частоколом возникают на пути решения несложного вопроса.

А с шабашниками легко. С шабашниками просто. Бутылку — на стол, деньги — на бочку. И никаких тебе «как», никакой «канцелярии». В кратчайшие сроки все будет сделано...

Тсс! Слышите скрежет и лязг гусениц? Опять куда-то гонят экскаватор или бульдозер. Может, на шабашку?

КТО ПОСЛЕДНИЙ?

Близ города Худоносовска есть один городок. Без названия. Ни у кого из его жителей нет и драного шалаша, но зато все население поголовно имеет автомобили. И профессиональные водительские права.

Здесь живут мужественные люди, способные во имя дела надолго оторваться от родного дома, от семьи. Нелегко им тут живется, но и у них бывают радостные события.

Вот, например, сегодня к шоферу Петрову приехала на побывку жена с сыном.

— Здравствуй, Петька,— дрогнувшим голосом говорит шофер Петров,— давненько я тебя не видел. Вон ты какой вымахал!

— Шестнадцатый пошел,— всклипывая, сообщает жена,— летит времечко. Когда дома-то будешь?

— Скоро, скоро, Глаша,— суровееет Петров,— уже квитанцию выпи-сал, и пропуск есть...

— Как с питанием-то? — успокаиваясь немного, спрашивает жена, развязывая узелок с пирогами.

— Да вот огородец небольшой завел,— смущенно теребит густую бороду Петров,— огурцы, правда, померзли, но помидорчиками надеюсь побаловаться...

— Пропадешь ты здесь,— вздыхает жена.

— Не пропаду,— твердо обещает Петров,— вон нас здесь сколько,— указывает он широким жестом на множество сельских машин, образовавших этот автоград у ворот Худоносовского шиферного завода в ожидании очереди на отгрузку продукции.

Внешне эта панорама как будто не внушает тревоги. От безделья шоферы забивают «козла», греются на солнце, а жар нагоняет сон, и во сне

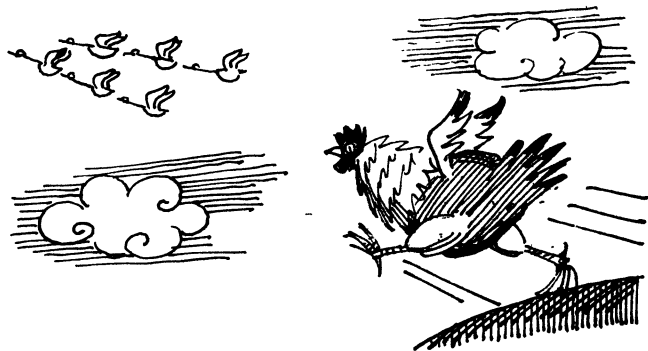
водители возвращаются домой, в родной колхоз, на уборочную, туда, где сейчас позарез нужны их автомобили.

Но наяву работники Худоносковского шиферного завода не спешат отпустить их домой с продукцией.

Строгий график, установленный для потребителя, четко определенный день и час отпуска товара ликвидировали бы это великое автомобильное «противостояние» у ворот завода. Но по-прежнему получить за короткий срок шифер в Худоносковске — дело почти невозможное.

И поэтому шофер Петров, прощаясь с сыном, говорит с надеждой:

— Ты у меня теперь совсем взрослый, Петька! Скоро меня заменишь...

«ВНИМАНИЕ! В ВОЗДУХЕ БРОЙЛЕРЫ!»

Белая куриная стая круто взмывает в воздух над Утинобродской птицефабрикой, опровергая утверждение, что курица не птица, и, сделав прощальный круг, журавлиным клином устремляется куда-то за горизонт.

Этот зоологический феномен вызвал переполох в стане зоонауки. Говорят, двое кандидатов-орнитологов погнались за бройлерами на дельтапланах в надежде заполучить материал для докторской, но их постигла неудача. Догнать стаю не удалось. Она шла стремительно и уверенно, единым сплоченным коллективом, и в ее дружном кудахтанье чувствовалась атмосфера товарищества и взаимовыручки.

Все началось во время массового завоза цыплят на Утинобродскую птицефабрику. Это было веселенькое, суматошное время! Под цыплячий писк днем и ночью шли вереницы автомашин. Можно было подумывать, что директор птицефабрики и замдиректора по производству решили скупить для своей фабрики всех цыплят области.

Птенцы были рады встрече. Они общались между собой, оживленно обмениваясь впечатлениями на своем птичьем языке, и не замечали начинавшегося дискомфорта. В птичниках становилось все теснее и теснее, а соплеменники продолжали прибывать. Некоторые цыплята уже стояли на одной ноге, как аистята, но это не решало вопроса. Начиналась давка. Кроме того, не хватало подстилки. Создавались антисанитарные условия, и это дало повод для писка на тему о неспособности птицефабрики принимать молодняк в таком количестве.

Молодости многое нипочем, но возник дефицит кормов. Кормовой транспортер лязгал своей цепью день и ночь, а клевать было нечего.

Изредка цепь приносила нераздробленные комочки корма, похожие на осколки тунгусского метеорита, о которые можно было поломать клюв, и только. Не хватало тепла и воды.

Попискивание стихало: берегли силы. Теперь обсуждали только одну-единственную новость, подслушанную в разговоре птичниц. Оказывается, для резкого увеличения роста производства администрация закупила цыплят в два раза больше, чем может принять фабрика. Понять такое слабым цыплячьим мозгам оказалось не под силу. Обеспеченность молодняка кормами составила всего 30 процентов, подстилочным материалом — 19 процентов. Из-за обилия навоза стоять цыплятам в птичниках не хотелось даже на одной ноге. Хотелось парить, и, наверно, тогда впервые возникла у бройлеров дерзкая мысль о побеге.

А администрация птицефабрики потирала руки: операция «Цыпленок» подходила к концу. План по производству птичьего мяса будет выполнен! Пусть не за счет интенсивного привеса бройлеров, а благодаря простому двукратному увеличению поголовья птицы. Не это важно. Важно, что два цыпленка-дистрофика весят столько же, сколько один кондиционный бройлер. Но возни с этим бройлером, как с тропическим попугаем, родившимся за Полярным кругом. И создай условия, и организуй труд, и вскрой резервы.

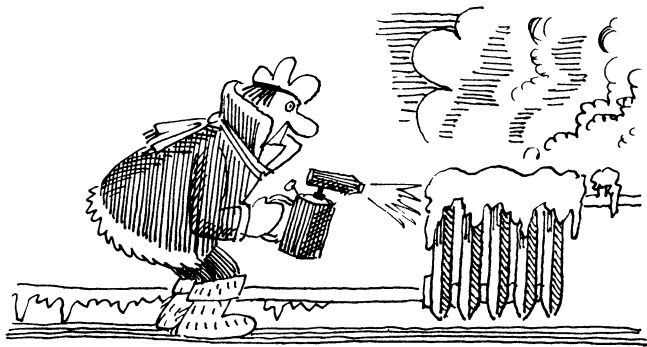
Как поется в одной легкомысленной песенке, «цыпленок тоже хочет жить». Но такой возможности у питомцев Утинобродской птицефабрики становилось все меньше. Писк постепенно смолкал. Первых 500 000 цыплят вынесли лапками вверх без шума и суеты. Остальные пока гомонили, возбужденно обсуждая случившееся. Но антисанитария и нехватка кормов делали свое дело, и вскоре пали еще 500 000 цыплят.

Писк стих почти совсем. Его заглушал скрип авторучек в бухгалтерии птицефабрики: там составлялись акты. Погибшую птицу списывали на естественный убыток предприятия. Работы было много. Не успели списать 1 000 000 павших голов, как в птичниках угомонилось еще почти полмиллиона несостоявшихся бройлеров. Вот тогда-то, говорят, и решилась на побег оставшаяся в живых стая наиболее крепких цыплят, та, что поднялась в небо. Жажда жизни укрепила их крылья.

За халатное отношение к своим служебным обязанностям приказом по птицебройлерному объединению уволены с работы директор птицефабрики и его зам по производству.

Видимо, контроль за их работой явился рецидивом куриной слепоты у руководства объединения птицефабрик.

А фабрика продолжает работать, и, кроме кормов, ей не хватает водопровода и котельной... Ходят слухи, что на днях на Утинобродской птицефабрике бройлеры вновь пытались подняться в воздух.

ГОРЯЩАЯ ПОРА

Осень, как известно, пора, исполненная томной неги, и предстоящие морозы кажутся явлением столь же маловероятным, как и выпадение прошлогоднего снега. Поэтому осенью нерадивый хозяйственник наскоро обертывает трубы куском картона и на этом считает подготовку к зиме законченной. А в холодное время у него начинается горячая пора.

Когда январским днем председатель Самогонского сельсовета Ходулин прикоснулся к батареям в местной школе, ему стало нехорошо.

— Спасайте! — выдохнул он, одной рукой хватаясь за сердце, другой — за паяльную лампу. — Трубы спасайте! Разорвет!

Подоспевший на помощь председатель местного колхоза вмиг оценил обстановку.

— Кузовкин! Еще пяток ламп, живо! — скомандовал он. — Плутовкин! Тащи керосин!

Работа закипела. Вскоре на школьном чердаке весело гудело с полдюжину паяльных ламп. Трубы пока были целы, но зато занялся вскоре чердак. Стало ясно, что опасность размораживания труб миновала, так

как теперь они равномерно прогрелись на всем своем протяжении до малинового цвета. В языках пламени уже потрескивали школьные парты, вспыхивали географические карты. А вокруг горящей школы бегали «спасители», возглавляемые Ходулиным. Они с криками воздевали руки к небу, видимо, все еще сомневаясь в успехе своего предприятия. Успокоение пришло к ним только после пожара, когда выяснилось, что никакая опасность трубам не грозила, поскольку от мороза лопнул котел и в системе не было ни капли воды...

ПАР КОСТЕЙ НЕ ЛОМИТ

«Идите в баню!» — не раз бросали мне собеседники в пылу полемических бесед.

Я понимал: ничего хорошего мне не желают, и никак не мог уразуметь, что в этом плохого. Ведь хорошая баня — большое удовольствие.

Впрочем, кажется, вот она, разгадка: хорошая! Ну, конечно же, меня посылали в плохую баню! В такую, например, как городская баня города Развалихинска.

«Ах, какая удивительная антисанитария в нашей городской бане! — восклицает в своем письме в редакцию житель этого города Гусев. — Хотя городская санэпидстанция находится рядом с этой баней, наводить порядок в ней не считает нужным».

Все ясно, скорей всего именно в эту баню меня и посылали. Потому что мыться в ней можно только в резиновых сапогах. А это, надо полагать, удовольствие маленькое.

А может быть, меня посылали в баню, что в городе Немытовске? «Взялись ее ремонтировать. Разобрали, разломали, крышу сняли.

Стройматериал этот вывезли, а большей частью разворовали. Внутри бани теперь только пьяницы выпивают...» — это пишет нам А. Васильева.

Да, ничего себе банька! В такую можно послать. И резиновые сапоги не помогут. Каким придешь, таким и уйдешь.

Из опыта посещения бань я усвоил одну твердую закономерность: обычное состояние многих из них нерабочее. Они не работают по случаю закрытия на ремонт или после ремонта.

В одну из отремонтированных бань, что в поселке Ахтинск, меня тоже запросто можно было послать в полемическом задоре.

Приведу выдержку из письма, полученного редакцией от жителя этого поселка Копытова:

«Летом закрыли баню на ремонт. Ну, думаем, сделают, наконец-то будем мыться. Но не тут-то было! После ремонта все по-прежнему: краны не крутятся, трубы лопаются. То воды нет, то еще чего-нибудь...»

А между прочим, в Ахтинске летят после напряженных трудовых вахт на отдых нефтяники с промыслов. Летят и уже в вертолетах мечтают о русской бане, усадле души и тела.

Но отремонтированную баню впору снова закрывать на ремонт.

Так что все надежды нефтяников на банное удовольствие улетучиваются, как пар.

А может, меня посылали в баню № 5, что в городе Новоахтинске, которая открылась после капремонта?

«Открыли ее (баню) на нашу беду, — сообщают жители Т. Барехова и другие. — То света нет, то горячей воды, то холодной, то кочегар пьян...»

Но самое интересное — в этой бане нужно мыться побыстрее. В спринтерском, так сказать, темпе. Пока не кончилась вода.

И вот суровая действительность рождает банных рекордсменов. Новичок, случается, еще намылиться не успел, а уж клиент со стажем сидит в предбаннике под простыней. Потому что не любит ополаскиваться ледяной водой.

Кстати, такой водой можно ополаскиваться в бане нефтеперерабатывающего завода в городе Гуляйске.

Вот строчки из письма нашей читательницы Е. Анисимовой:

«В раздевалке + 13 — + 15 градусов. Банщица сидит в теплых сапогах, в теплом платке и в пальто. Говорит, что к концу смены ноги мерзнут...»

Тут уж точно, как говорится, пар костей не ломит, и, направляясь в такую баню, надо одеваться потеплее. А уж как помыться при этом, не простудившись, советовать трудно.

Но если кто-нибудь уж очень на меня обидится, то наверняка pošлет в баню № 7 города Воронихинска.

«Пар есть, воды нет», — прочитала объявление, посетив эту баню, наша читательница А. Полякова.

Вы еще не пробовали такой бани? Я — тоже. Видимо, что-то очень оригинальное.

Впрочем, торжественно обещаю, что готов с удовольствием посетить любую из вышеперечисленных бань. Сразу после того, как коммунальные власти наведут в них полный порядок.

БУМАГОТРЕНИНГ

Один спортсмен-волейболист неудачно «погасил» мяч, и у него заныло плечо. Травма. Врачи наложили гипс, потом сняли и велели разрабатывать руку. А работал спортсмен в конструкторском бюро фрезерных станков. Купил волейболист себе теннисный мячик и стал его мять в свободное от конструирования время под наблюдением лечащих врачей. Мнет месяц, мнет другой — результатов никаких.

— Нагрузка недостаточна, — объясняют врачи, — займитесь штангой.

Занялся. Остановился через год, вплотную подойдя к мировому достижению для средневесов.

— Нет, — говорят врачи, — не то. Мала нагрузка.

Тогда в конструкторском бюро решили спасти парню руку, пустившись на крайнюю меру: поручили ему заполнить бланк расхода пиломатериалов для упаковки изготовленных станков. Такую форму документации требует трест «Верхнетара». Все эти данные есть в расчете расхода пиломатериалов на упаковку, прилагаемом к каждому станку, и можно было просто направить тресту копию этого расчета. Но у треста своя форма документа, посягать на которую никому не дозволено. И поэтому надо все данные на пиломатериалы из техдокументации к станку переписать в бланк треста.

Вскоре рука у нашего спортсмена заработала как следует. Посылаемые им мячи рвали волейбольные сетки, повергая противника в смтение. А ведь волейболист переписал всего два расчета на пиломатериалы на два станка. Это каких-нибудь 13 000 цифр, не более. Работа любому инженеру на месячишко. Если только он не будет отвлекаться на конструирование новой техники.

БДИТЕЛЬНЫЙ ТУЗИК

Всю ночь беспородный щенок Тузик, гревшийся в коридоре правления колхоза, тоскливо скулил.

— Не к добру это,— говорили бывалые люди.

Ждали долгих дождей, ураганного ветра или в лучшем случае внезапной ревизии. Но, видимо, напрасно нервничала собачка. Ничего такого не произошло. Утром с умытого голубого неба безмятежно брызнуло яркое солнце. Начался рабочий день, и в кабинет председателя колхоза «Раздолье» один за другим потянулись утренние посетители.

Вот, приветливо улыбаясь, вошел в кабинет крепыш с вещмешком за плечами и топором за поясом.

— Если вы председатель, то здравствуйте,— с достоинством сказал крепыш.

— День добрый,— ответил председатель Платошкин.— С кем имею честь?

— Трифонов. У вас найдется капля...

— Воды?

— Нет, фантазии!.. Представьте,— продолжал гость, сдвигая топор на бедро,— коровник новейшего типа. Море тепла и уюта! Вентиляция особой конструкции! Лампы дневного света! Стены...

— Где вы видели такое чудо? — заволновался Платошкин.

— Это очень сложно, но можно, — ответил Трифонов. — Попробую поговорить с ребятами из моей бригады. Может быть, в первую очередь начнем строить для вас. Откровенно говоря, нас рвут на части. Просто замутили авансами...

— Возьмите и у нас, — засуетился Платошкин, выхватывая из стола бланк соглашения. — Сколько вам нужно?

— Три тысячи, — скучающим голосом промолвил гость, пробуя ногтем лезвие топора. — Не больше.

Беспородный Тузик, гревшийся в коридоре, снова тоскливо заскулил и был немедленно выставлен за дверь.

Ровно шелестели пересчитываемые купюры. Эта операция так захватила председателя, что он забыл даже спросить у визитера документы и поподробнее выяснить, к кому же все-таки перекочевывают колхозные рублики.

— Так я не прощаюсь, — смахнув в вещмешок последнюю пачку купюр, сказал Трифонов. — Спешу к бригаде. На днях состоится закладка первого кирпича под фундамент вашего коровника!

— Ждем с нетерпением! — радостно кивнул председатель.

А Трифонов, выйдя на улицу, тотчас же отправился в соседний колхоз к председателю Бибикову.

Председатель сидел в своем кабинете. Его силуэт четко рисовался на фоне большого несгораемого шкафа.

— Простите, — сказал Трифонов, — я, кажется, ошибся колхозом. Это ведь не вам нужна строительная бригада? Нет, нет, не вам. Еще раз простите...

— Постойте, — остановил гостя Бибиков. — Вы не ошиблись. Я могу обеспечить любой бригаде любой фронт работ: 10 жилых домов, магазин, дом животновода, силосохранилище! Этого вам хватит?

— Ну, пожалуй, — нехотя согласился Трифонов.

Председатель подошел к несгораемому и непотопляемому шкафу и распахнул его.

— Держите авансик: пять, десять... пятнадцать тысяч устраивает?

— Хм... Попробуем обойтись.

— А где же ваша бригада?

— Учатся, — не моргнув глазом ответил Трифонов. — Почти все заочники. Кто в техникумах, кто в институтах. Сейчас как раз сессия. Я их, паршивцев, прогнал сдавать экзамены и сказал, чтобы с «хвостами» не возвращались.

— Ясно, значит, договорились. — И заказчик с подрядчиком ударили по рукам.

Наскоро перекусив, Трифонов завернул в колхоз «Славный путь». Там ждало разочарование. Председатель его решительно возражал против аванса в пятнадцать тысяч. Он дал только пять.

— Тоже на улице не валяются,— пробормотал Трифонов и поехал к бригаде.

— На первый-второй рассчитайсь! — скомандовал бригадир.

— Первый! — откликнулся некто Продунов.

— Второй! — подхватил некто Прохода. — Расчет закончен!

— Бездельники, — заключил бригадир, — я за вас работаю, а вы шляетесь весь день неизвестно где.

— Я от работы не отказываюсь, — возразил Продунов. — Но мне нужен конвоир. Не могу я без конвоира. Привычка.

— Ах да! Совсем забыл, — спохватился Трифонов, вспоминая, что его компаньон долгие годы отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии. — Но где же я возьму тебе охранника? В милиции попросить, что ли?

— Коровник я могу взять на себя, — вмешался в разговор Прохода, тоже уже однажды побывавший на скамье подсудимых.

— Смываться надо отсюда, друзья, — задумчиво заключил бригадир. — Пока не докопались, что нет у меня ни бригады, ни определенных занятий, ни прописки. Вот только загляну еще разок к Платошкину... Душевный мужик!

— Где коровник? — строго сдвинул брови Платошкин.

— Поздравляю, — спокойно сказал Трифонов. — Завтра из Отдушинска выходит к вам колонна автомашин с грузом стройматериалов и шанцевого инструмента. Бригада в полном составе вылетает завтра же вечером авиарейсом. Срочно нужны средства на транспортные расходы.

— Сколько? — спросил Платошкин.

Трифонов на секунду задумался. Бригадир любил круглые цифры. Сумма похищенных в колхозах области денег приближалась к 30 тысячам рублей. Не хватало каких-то четырех — четырех с половиной тысяч.

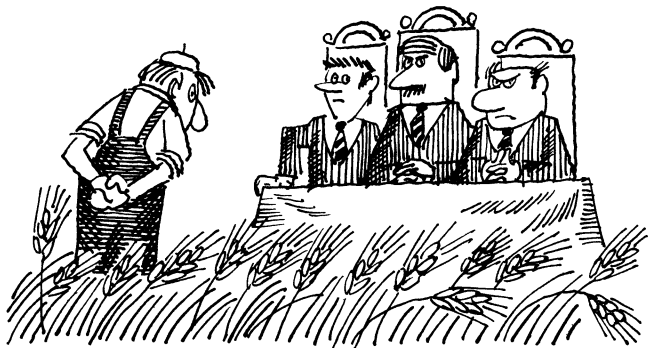
Трифонов их получил.

Когда он проходил по коридору правления, на него с воем и рычанием кинулся беспородный Тузик. Шерсть на загривке стояла дыбом, глаза горели.

— Пшел вон! — прикрикнул на него председатель. — Свой это!

Но Тузик не унимался. Видимо, у него было больше элементарной бдительности, чем у трех уважаемых председателей колхозов, вместе взятых.

ВЫШЕЛ В ПОЛЕ ПРОКУРОР...

Распугивая воем мотора стаи ворон, к колхозу «Разбег» пробирался «газик» с работниками областной прокуратуры на борту.

У правления колхоза к ним присоединился главный агроном колхоза Недоборов. Все вместе отправились на артельные поля.

Что привело сюда работников прокуратуры? Ведь не желание полюбоваться красками осеннего неба или прогуляться по жнивью! Цель их поездки была намного прозаичней: проверить качество уборки на полях. Весь ли урожай до зернышка собран и упрятан в закрома?

Сделано это было в помощь народному контролю и комсомольским «прожектористам».

И, как оказалось, не напрасно. Не успели работники прокуратуры сделать несколько шагов по полям колхоза, как наткнулись на гривки нескошенной пшеницы.

Пришлось комбайнам снова выходить на поля. Зашумело в бункерах зерно. Комбайны погнали к весам. Собранный в колхозе с помощью сотрудников прокуратуры дополнительный урожай составил 121 центнер первоклассной пшеницы. Неплохого добавочного урожая зерновых добились с помощью прокуратуры и в других хозяйствах.

А работники соседней прокуратуры повлияли на повышение урожайности картофеля. В прошлом году они попросили руководителей девяти хозяйств провести контрольную выборку картофеля на уже убранных полях. Руководители согласились, пошли навстречу. Хотя это было нелегко. Даже трудно. Психологически. Потому что каждый обнаруженный в земле клубень — а всего их по области набралось 386 тонн — больно бил по авторитету руководителей хозяйств, изобличая их как работающих спустя рукава разгильдяев.

А сотрудники третьей прокуратуры решили проверить в хозяйствах

качество уборки гороха. По их просьбе механизаторы близлежащего колхоза вторично прошли по убраным полям и обнаружили на них еще 29 тонн этого дефицитного продукта.

Впрочем, «шефская» помощь прокуратуры труженикам села не ограничилась только полевыми работами. В одном из колхозов возили зерно-автомашинами на реализационную базу. И что же из этих перевозок вышло? Недостача. Веселый ветер насвистывал в щелях кузовов, и под эту музыку, как установила прокуратура, на окрестные дороги высыпалось 2578 килограммов зерна. В другом совхозе растрясли еще больше — 5340 килограммов.

Но ведь не прикомандируешь же прокурора к каждому комбайну и автомобилю! Остается одно: закрепить за некоторыми хозяйствами специальных прокуроров. Выделить им участки, коров, пусть живут в колхозах, дежурят в поле и смотрят, чтобы отдельные труженики хозяйств не халтурили при уборке урожая.

ЗА ЧУЖИЕ ГРЕХИ

Да, сначала пробовали по-хорошему.

Работники санэпидстанции поселка Резвинска сперва, можно сказать, просто нянчились с работниками районного коммунального хозяйства. Уговаривали их, убеждали поаккуратней очищать бункера мусоропроводов в поселковых домах. Но коммунальщики на это никак не реагировали и продолжали работать спустя рукава.

А нервы у санврачей тоже, знаете ли, не из проволоки.

— Ах, так?! — сказали они однажды, сильно возмущившись, и вызвали сварочную установку с квалифицированным сварщиком.

И посыпались искры, и заплескали на стенах призрачные сполохи... Когда же дым рассеялся, жильцы обнаружили на своих мусоропроводах небольшие конструктивные изменения, а именно: крышки люков оказались намертво приваренными к корпусу красивым прочным швом. Санитария восторжествовала: отныне мусоропроводы пребывали в первозданной чистоте...

Теперь раз в сутки жители поселка пулей вылетают с полными ведрами на призывный сигнал автомобиля-мусоросборщика, чтобы успеть разгрузиться до его отправления. Тем же, кто в это время на работе, можно только посочувствовать. Ну, а предприятиям, производящим мусоропроводы для новостроек района, можно порекомендовать поставлять их в Резвинск с заранее заваренными люками. Чтобы не причинять санитарным властям лишних хлопот.

НА АМФОРУ НИКТО НЕ ВЗГЛЯНУЛ

Причины пожаров, конечно, бывают разные. Самая распространенная — неспособность погасить окурок. По причине полного изнеможения. Когда уже «повторяли» много раз, а с «закусом» плохо: по одной соленой мойвочке на человека. И это тем более обидно, когда рядом целый склад кормов. Но грубых. Для скота.

А для механизаторов совхоза «Криволыковский» А. Оришкина, Н. Жишкина, Г. Кашкина головки лука не нашлось на этом складе.

Ну и закурили оттого механизаторы. А уж погасить окурок, как мы говорили выше, у них сил не хватило. И начался пожар на складе.

Говорят, в такие моменты хмель вылетает из головы со второй космической скоростью. Бражники наши мгновенно стали трезвыми, словно новорожденные телята. Их посетило раскаяние. Видя, как огонь захватывает в свои жаркие объятия все здание, Оришкин и компания как-то сразу ясно поняли, что пить вредно. Особенно на работе. Потому что не ведаешь, что творишь. А беда приходит внезапно, как землетрясение, и ее уже нельзя предотвратить...

Согласитесь, очень правильные мысли. Только несколько запоздалые. И сгорел весь склад, а с ним 570 тонн кормов. Остался без «закусона» на зиму совхозный скот. И его не накормить раскаянием А. Оришкина, Н. Жишкина и Г. Кашкина, развеселых механизаторов, решивших однажды покутить на совхозном складе.

Ну, а моторист В. Суркин совхоза «Ротозеевский» хмельного в рот не брал. В тот день по крайней мере. И в этом идеальном состоянии он принялся разжигать топку теплогенератора в совхозной кошаре. А топка была наполнена соляром, просочившимся через неплотные соединения трубопровода.

Но моторист отвлекся. Возможно, он анализировал проигранную партию в «козла», а может, просто напевал одну из песенок Аллы Пугачевой и рассеянно сунул в топку горящий факел. Воспламенившаяся солярка рванулась из топки.

Суркин пулей вылетел из кошары, а скот оказался менее шустрым и эвакуироваться не успел. Объятые ужасом 650 овец устроили грандиозную свалку внутри огненного кольца и помешали выскочить еще 500 ягнятам. Спасти их не удалось.

Представляете, сколько шашлыков, котлет и шницелей не попало на прилавки магазинов! И только по милости одного разгильдяя, который к обслуживанию топки относится с той же ответственностью, как и к ловле мух...

Слесарь Муков из совхоза «Карауловский», не зная о роковой ошибке моториста Суркина, не мог, конечно, извлечь из нее полезный урок. А урок этот нужен был Мукову позарез. Своим умом он так и не постиг простой истины: в любой работе требуется аккуратность. И, производя сварку на сенобазе совхоза, никаких мер предосторожности не принял.

Капли расплавленного металла попали на сено, и вспыхнуло яркое пламя. Получился большой костер, прыгать через который не решился бы ни один самый отчаянный деревенский сорвиголова. Потому что горела сразу тысяча тонн сена.

Все виновные в упомянутых пожарах понесли заслуженное наказание, но пострадавшим хозяйствам от этого легче не стало.

Ежегодно в колхозах и совхозах происходят тысячи пожаров. По этой причине как корова языком слизнула более 60 000 голов скота и около 1000 животноводческих помещений.

Вы знаете, как рано встают животноводы и какой труд ложится на их плечи? Так вот, некоторые из них зря недосыпали, работали впустую, не ведая, что их воспитанники пропадут на кострищах спаленных ферм и телятников по вине пьянчуг и разгильдяев.

По той же причине напрасно звенели топоры и гитары многих студенческих строительных отрядов. Возведенные ими животноводческие помещения погибли вместе с кормами и скотом, превратившись в обуглившиеся головешки.

А если уж вспыхнул язычок пламени на сельской ферме или в кормоцехе, то погасить его порой... нечем. Нет в достаточном количестве противопожарного оборудования.

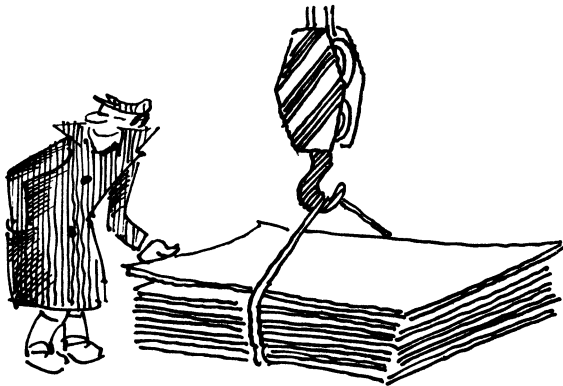
В одном из сел, рассказывают, плуг вывернул на поверхность древнюю амфору, изготовленную аж до нашей эры. Так на нее, можно сказать, никто не глянул. Потому что, случается, выворачиваются еще из земли при вспашке разные древние редкости. Их потом в музее увидеть можно.

А где вы видели в селе огнетушитель? Его там даже в музее не встретишь. А если где и встретишь, то это местная достопримечательность. На нее съезжаются поглазеть из окрестных деревень. Не хватает пожарных рукавов, соединительных головок.

Многие сельские объекты не имеют телефонной связи с помещениями пожарных дружин.

— Заводи! — обнаружив пожар, нередко командуют местные дружинники водителю подвернувшегося автомобиля и отправляют нарочного в район за помощью. А сами, чаще безуспешно, пытаются погасить пламя зеленой водой из красной бочки вперемешку с песком.

Надо более внимательно относиться к заявкам тружеников сельского хозяйства на противопожарное оборудование. Потому что гасить пожар в условиях села несравнимо сложнее, чем в условиях города. И тогда обыкновенный огнетушитель перестанет быть сельской достопримечательностью, которую впору показывать только организованному экскурсанту.

АЖУР С ИЗЪЯНОМ

Просто удивляешься порой человеческой неблагодарности. Вам хотят помочь, так сказать, всей душой, а вы в ответ проявляете недоброжелательство и даже прямую враждебность. Ведь к чему стремился рабочий механического цеха завода «Кофемолка» Чечевичный? К тому, чтобы у людей была добротная крыша над головой. Не какая-нибудь там солома или камыш, а хорошая железная кровля, которой не страшна любая непогода. И чтобы обласканные им, Чечевичным, люди, сидя в ливень или буран вокруг семейного самовара, говорили о нем разные приятные слова.

А что произошло на практике?

Чечевичный вынужден был прятаться на собственном огороде от своих клиентов.

А всему виной не кто иной, как начальник механического цеха завода Кукарачев.

Он пригласил Чечевичного к себе в кабинет, налил ему из графина в стакан и напрямки сообщил, что «уважает».

Чечевичный закусил бубликом и ответил, что тоже уважает и хочет, чтобы человечество имело железные крыши.

Кукарачев ответил, что разделяет его благородное желание, и тут же предложил две тонны листовой стали.

Чечевичный согласился. Но возникли технические трудности. Пришлось включить в операцию также начальника караула, стрелка, шофера автобазы и, уж конечно, заведующего складом.

Сначала было трудно. Самоотверженно грузили вручную, проклиная тяжесть металла. Но вскоре добыли подъемный кран. На помощь пришли новые «верные» люди. Теперь уже орудовали в открытую, благо никто не мешал и не интересовался операцией уворования стали.

— Вира помалу! — командовал Чечевичный крановщику, щурясь на солнце. — Майна!

И пакет металла с грохотом падал в кузов автомобиля.

— Безобразие! — возмущался директор завода Нехамов и наглухо прикрывал окно. — Невозможно работать.

У директора шло совещание.

— Мы достигли немалых успехов, — докладывал главный инженер завода, — сэкономили десятки тонн металла. Но это не предел. Есть у нас и другие резервы.

Очень правильно говорил главный инженер: резервы были. И немалые. Только вскрыли и использовали их давным-давно, не дожидаясь главного инженера, Кукарачев и компания. Количество похищенного ими металла перевалило уже на третий десяток тонн.

Назревала ситуация, когда первый же нагрянувший на завод ревизор, полистав документы, мог строго спросить: «А куда делись 6000 килограммов стали «Э» и 19856 килограммов стали «Б»?» И после этого — белые лица, дрожащие колени пойманных с поличным жуликов.

Только такого банального продолжения в этой истории не было. Шайка Кукарачева никого из сослуживцев не подвела. Пострадавших не было. Недостачи тоже не было. В полном порядке была отчетность.

— Ну и как у тебя с нормами расходования стали? — с доброй улыбкой спрашивал директор завода, встретив главного технолога.

— Полный ажур! — бодро отвечал главный технолог. — Все отходы в норме!

И оба, удовлетворенные, расходились. Ведь как хорошо, когда все в норме! И какая это прекрасная норма, если позволила набрать за два года более 69 тонн излишков стали!

Куда делись эти «излишки», вы уже знаете.

Но вернемся к Чечевичному. Мы оставили его в тот момент, когда клиенты покушались на его жизнь. Дело в том, что листы электротехни-

ческой стали абсолютно непригодны для кровли. При сгибании они ломаются, как вафли, а гвозди отскакивают от них, как горох от стены. К счастью, Чечевичного взяли под охрану. Вместе с Кукарачевым и компанией.

А вот горе-хозяйственники отделались легким испугом. А последний, как известно, проходит быстро и бесследно.

БЕРЕЗОВЫЙ РЕКВИЕМ

Соловей пел. Он сидел на самой верхней ветке охваченного дрожью ствола, заглушая все окрест могучей взволнованной трелью. Это была прощальная песнь. У подножия дерева старательно трудился пилой школьник Петя. Рывок, еще рывок! Дерево рухнуло. Петя смахнул с носа капельку, соловей перепорхнул на соседнее дерево. Концерт был окончен. Для пернатых настала пора расставания с родными гнездовьями, потому что лесную тишину на территории межколхозного лесхоза прорезали звонкие детские голоса, визг пил и стук топоров.

Это школьная дружина, возглавляемая педагогом Малявиной, пришла на заготовку веточного корма. Школьники не могли добраться до верхних веток и потому валили деревья, а педагог Малявина сидела в дозоре на опушке, предупреждая возможное появление лесника Карабашина. Дед хоть и не успевает контролировать всю территорию, но слухом опытного лесовика способен уловить отдаленный звон пилы. И тогда будет акт о незаконной порубке леса в запрещенном месте, будут докладные и жалобы — словом, разного рода палки в колеса. Те самые палки, в которые превращаются деревья после заготовки кормов подобным способом.

А лесник Карабашин был в замешательстве. Звон пил доносился и с лесного участка возле колхоза «Верный путь», где бригадир Салазки-

на без разрешения лесничества обдирала как липку неокрепшие стволы деревьев. Ведь в колхозе 24 населенных пункта, и в каждом творится такое...

Лес рубят — щепки летят. И ветки тоже. Так что при плановой заготовке дров, которая ведется рядом с колхозом, накапливается масса веток, пригодных для заготовки кормов, но остающихся без употребления. Они не нужны заготовителям дров. Точно так же, как никому не нужны дрова, остающиеся после заготовки кормов. У каждого разные интересы. Каждый занят своим делом. И только один лесник Карабагин мечется по своему огромному хозяйству вдогонку за различными заготовителями, пытаясь сделать так, чтобы и деревья были целы, и коровы сыты.

ЛИШНИЙ ВЕС

Речь пойдет об излишнем весе, о котором так много сейчас говорят. Тертая морковь, минеральная вода, сухарики — все это типичное не то. Избыточный вес можно сбросить моментально. Но сначала его надо, естественно, набрать.

Как и где? Ну, к примеру, в цехах Новохапского мясокомбината. Возможности для этого большие. Для работников предприятия, разумеется. Здесь можно долго бродить из цеха в цех, приносясь к букету колбасных ароматов.

Нагуляв хороший аппетит, следует решить вопрос, на чем, вернее, возле чего остановиться: у карбонада, шейки или вареной колбасы?

Набирать вес нужно не оглядываясь, без дрожи в коленках. Никто вас не тронет, люди вокруг свои, знакомые, с пониманием: раз по-нес — значит, надо.

А что и в чем именно нести? Дело не во вкусе, а в удобстве транспортировки.

В «авоське» проносить неловко. Хотя коллектив и в курсе, но вот так просто, у всех на виду, неудобно все-таки. Да и охрана может закапризничать. Вот и получается: вес набрал, а унести его не знаешь как.

Опыт, правда, кое-какой имеется. Карбонад и шейка хорошо держатся на бедрах в целлофановых пакетах, если покрепче привязать.

Но это скорее для женщин. А поскольку их на комбинате большинство, то у них все хорошо получается. Но надо только выносить что-нибудь одно. Чтобы бедра были одинаковыми.

Ну, а сбрасывается излишний вес обычно дома. Прямо в холодильнике. Но нередко и сразу за воротами мясокомбината.

Такое случилось с бригадой мастера Волокушиной.

Дружная, надо сказать, бригада. Одна из тех, которая и работает, и отдыхает, и несет вместе.

И вынесла она однажды дружно после смены, ночью, мясopодукцию открыто, в руках.

Замыкала шестие Слямзина. Правда, она немного стеснялась, проходила мимо своего фото, которое красовалось на комбинатовской Доске почета. Но все бы кончилось благополучно и для нее, и для других, если бы не внезапная проверка. Для женщины вообще излишний вес — беда. А тут и подавно.

И здесь произошло моментальное бригадное освобождение от него. Бригада швырнула на землю прихваченные с собой батоны колбасы и хором запричитала, заглядывая в глаза инспекторам ОБХСС:

— И до чего дошло руководство комбината! Совсем не бережет социальность. Мясopодукция валяется прямо под ногами!

Но вообще-то бригадно носят нечасто. Чаше прорываются одиночки. Так была задержана на проходной рабочая мясокомбината Беззастенчивая с семью килограммами мяса.

Старший кладовщик пыталась вынести с территории предприятия около шести килограммов продукции.

Спросите: а где же мужчины? Ответим: среди несунув мужчин мало. Больше «метателей».

Вспомните фигуру дискобола. Но это мальчик по сравнению с машинистом компрессора Силомеровым. Изловчившись, машинист метнул через высокий забор 13 килограммов мяса!

Около 70 человек с похищенными мясopодуктами было задержано в нынешнем полугодии на мясокомбинате. А сколько задержано не было?

Какое же наказание ждет таких несунув?

В худшем случае — год исправительных работ с вычетом зарплаты, понижением в должности. А как правило, товарищеский суд и небольшой штраф. Так что носят без особого риска.

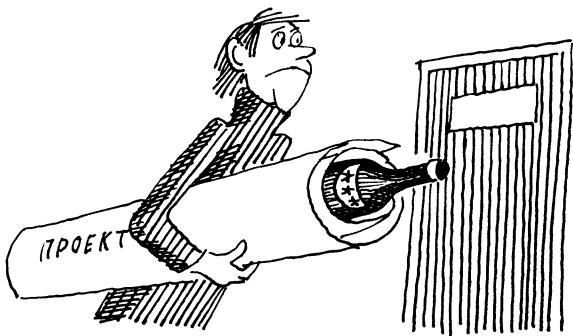
Долгое время в дальнем углу забора мясокомбината была любовно оборудована лазейка для людей с излишним весом. О ее существовании последними узнали охрана и администрация предприятия.

После ликвидации лазейки понесли через автомобильные ворота, где охрана целиком поглощена осмотром большегрузных рефрижераторов.

Нам представляется печальная картина: в конце отчетного периода рождается жуткая цифра недостачи разворованной несудами продукции. И ошеломленные этой арифметикой руководители предприятия пребывают в полной растерянности, буквально не зная, что предпринять.

Так вот: никакой недостачи быть не может. Потому что продукция учитывается не в фактически выработанном количестве, а в количестве, отгруженном потребителям. И вырабатывают одно количество, а отгружают совсем другое. Улавливаете разницу? Какие тут могут быть недостачи?

Вот и появляется на предприятии значительное число людей с лишним весом. От которого, между прочим, их легко избавить. Если только как следует организовать учет и охрану продукции.

ПОЧЕМ ПРОЕКТЫ?

Курсовой проект требовал защиты. Хотелось вырвать его из рук доцента Папкина, спрятать за пазуху и, размахивая стулом над головой, дико прокричать доценту: «Не подходи! Зашибу!»

Это был единственный способ защиты, ибо проект студента М. Кефирова, выполненный с большим количеством ошибок, годился только в корзину. Сомнений на этот счет не оставалось у руководителя проекта, доцента Папкина, который ведал защитой студенческих курсовых работ.

Дело происходило в филиале института.

— Ну-с, молодой человек, — произнес доцент, листая чертежи, — извольте показать, где у вас тут шпindelъ?

— Тут, — неуверенно ткнул пальцем Кефилов.

— Позвольте, голубчик, — возразил Папкин. — Шпиндель — это вал. А у вас тут коромысло, с которым в деревнях ходили по воду. Короче, с работой вы не справились. Что будем делать?

Наступила длительная пауза. Студент был безнадёжен. Он не только не умел правильно вычертить шпиндель, но и не понимал, чего хочет от него в данный момент преподаватель.

— Шестеренки у вас в проекте есть, — вздохнув, подсказал Папкин. — Это хорошо. А вот чего не хватает? Правильно, звездочек. По крайней мере трех. Поняли? Можно грузинских.

Тут на Кефилова снизошло озарение. Слегка ошеломленный, он вышел на улицу. Путь предстоял один: за коньяком. Но вот маршруты надо было выбирать.

Или мчаться в магазин без остановок, или, предварительно сделав круг, зайти в ОБХСС и все рассказать о происходящем.

Но тогда наверняка придется переделывать проект. А потом вообще неясно, во что это выльется.

И будущий инженер Кефилов избрал прямой путь. Он решил защитить свой многострадальный проект с помощью бутылок.

Повторная встреча с Папкиным разительно отличалась от первой.

— Ну, вот и чудесно! — обрадовался доцент, принимая коньяк. — И не майтесь с проектом. Вот вам курсовая, оцененная на пять. Перепишите ее в точности и приходите на экзамен.

Принесенную бутылку Папкин спрятал в портфель. Распивать ее с учащимся не стал: это было бы непедagogично.

Ладно, пусть доцент пьет коньяк один. Или в компании. Как ему больше нравится. А Кефилову злополучную бутылку попробуем простить. Наверняка наш студент уже осознал всю тяжесть своего проступка. Вот он идет сдавать экзамен тому же доценту Папкину. И, заметьте, без бутылки! Сейчас, наверное, будет пять.

Но в итоге оказалось 25. Рублей. За положительную оценку Папкиным несуществующих знаний Кефилова. Нет, ничему не научился, к сожалению, студент Кефилов. Доцент Папкин — тоже.

Не совсем честный студент С. Бодягин пришел к Папкину защищать — с копией чужого курсового проекта.

— Вы мелкий жулик, молодой человек! — с негодованием воскликнул Папкин, заметив обман. — Если через два дня не принесете свой проект, не допущу к экзамену!

Недобросовестных людей надо учить. Видимо, исключительно в воспитательных целях Папкин заломил с Бодягина 150 рублей, оценив на «хорошо» его несуществующий проект, который за два дня студент, естественно, сделать не успел.

— Помилосердствуйте, Анатолий Алексеевич, — запротестовал Бодягин, входя в роль настоящего рыночного покупателя. — Тогда уж и четверку по экзамену сюда присовокупите.

На этом и сошлись. И разошлись, как полагается после нечистой сделки, в разные стороны. Без малейшего намека на угрызения совести у обоих.

Ну, а при встрече со студентом М. Цапкиным доцента Папкина снова потянуло на коньяк. Грубые ошибки в курсовом проекте стоили двух бутылок коньяка.

Это был своего рода посошок на дорогу в места не столь отдаленные, куда по приговору областного суда на 8 лет вскоре отправился предприимчивый доцент.

Смущенными взглядами провожали Папкина в путь авторы липовых курсовых проектов, его осиротевшие воспитанники.

Они не понесли никакого наказания, хотя заговорили только тогда, когда их об этом настоятельно попросили. А ведь сыграли немалую роль в совершенном преступлении.

Как поведут себя в дальнейшем будущие ИТР? Честно? Или, отделившись легким испугом, начнут прицениваться к диплому?

СОДЕРЖАНИЕ

Дело-то ведь какое	2
На «левом» самолете	4
Немытый окунь	6
Повезло или нет?	8
МНС и КРС	9
Злейший враг любви	11
С ветерком	13
«Я хочу домой!»	15
Странная параллель	16
Полмиллиона из пальца	18
Древний порок	20
Визит на заре	22
Бульдозер напрокат	23
Кто последний?	26
«Внимание! В воздухе бройлеры!»	27
Горящая пора	29
Пар костей не ломит	30
Бумаготренинг	32
Бдительный Тузик	33
Вышел в поле прокурор...	36
За чужие грехи	37
На амфору никто не взглянул	38
Ажур с изъяном	40
Березовый реквием	42
Лишний вес	43
Почем проекты?	45

Николай Николаевич РЫНДИЧ

БДИТЕЛЬНЫЙ ТУЗИК

Редактор **А. Е. Вихрев**

Технический редактор **Л. И. Курлыкова**

Сдано в набор 13.10.87. Подписано к печати 25.11.87.
А 05167. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,04. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75000.
Изд № 2986. Заказ № 1441. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена 20 коп.
Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

23
(1035)

ISSN 0132—2141

Николай РЫНДИЧ
БДИТЕЛЬНЫЙ
ТУЗИК

Цена 20 коп.
Индекс 72996